

А. Г. РАШИН

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ ЗА 100 ЛЕТ

(1811—1913 гг.)

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

*Под редакцией
академика С. Г. Струмилина*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1956

Адольф Григорьевич Рашин
Население России за 100 лет

Редактор **А. Б. Буртаков** Художник **С. А. Смирнова**
Техн. редактор **В. А. Виноградова** Корректор **Л. И. Никифорова**

Сдано в набор 4/VI-1956 г. Подписано к печати 24/IX-1956 г. Тираж 5000
Бумага 60×92¹/₁₆ Объем 22,0 п. л. Уч.-изд. 22,9 л.
А 12218 Госстатиздат, Москва, ул. Разина, 3, пом. 69 Зак. 797
Цена 12 руб. 45 коп.

Типография № 2 Госстатиздата. Ленинград, пр. Римского-Корсакова, 87

ПРЕДИСЛОВИЕ

Богатейший материал о движении населения в России за целое столетие, умело собранный, проанализированный и систематизированный А. Г. Рашиным в его книге, несомненно, представит собою большой интерес не только для статистиков-демографов, но и для широкого круга историков и экономистов.

Динамика показателей рождаемости и смертности за сто лет очень ярко отображает в себе и смену общественных формаций в стране от феодализма к капитализму, и развитие капитализма в разных его фазах, и зависимость ее от занятий индустриального и земледельческого населения, и заметное воздействие на эту динамику даже таких социальных явлений, как отдельные промышленные кризисы, войны и революции. Все это доказывает, что трактовка *общественных* законов населения как законов *биологических* становится явно абсурдной и невозможной.

Еще и донныне некоторые просвещенные авторы повторяют ошибочное мнение, по которому так называемый «естественный» прирост населения в феодальной России был выше, чем в последующую эпоху капитализма. Но, приписывая таким образом дряхлеющему феодализму большую жизнеспособность, чем юному капитализму в его восходящей фазе, эти авторы глубоко заблуждаются. И А. Г. Рашин своим анализом данных крепостной статистики вскрывает корни этой ошибки. Он показывает, что смертность учитывалась до реформы приходским духовенством значительно хуже, чем рождаемость по метрическим свидетельствам. И те, кто пользуется только этими дефектными данными о числе смертей и рождений в крепостной России при исчислении роста населения, неизбежно преувеличивают жизнеспособность феодально-крепостнического строя. Но, пользуясь более достоверными данными переписей и «ревизий», А. Г. Рашин убедительно обнаруживает всю необоснованность таких преувеличений. Еще в XVIII в. крепостное население России росло в своей численности, хотя и со значительным отставанием от роста всего населения. В частности, с 1742 по 1796 г. —

между 2-й и 5-й ревизиями — число крепостных, по подсчетам В. И. Семевского, возросло за 54 года всего на 62%, что в среднем за год не превышает 8,8 душ на 1000. В дальнейшем ежегодный прирост всего населения России, достигавший за 1800—1880 гг. даже по преувеличенным данным ЦСК не свыше 14,8%, резко падает в 1830—1860 гг. до 9,2%, а за 1850—1860 гг. он не превышает даже 6,5 на 1000 душ. Но данные о всем населении не характерны для крепостной России этого периода, в особенности за 1830—1860 гг., когда в ней уже обозначилось начало промышленного переворота и протекал глубокий кризис всей крепостной системы хозяйства. За эти годы наиболее характерной является динамика *крепостного* населения.

Дело в том, что крепостное население, т. е. основная производительная сила феодальной России, за последние десятилетия перед реформой уже во все не росло, а падало, свидетельствуя тем самым об исторической обреченности феодальной формации на близкую гибель. В самом деле, с 1835 по 1858 г. крепостное население Европейской России за 23 года сократилось с 22 888 тыс. до 21 164 тыс., на 1 724 тыс. душ, или 7,5%. Эта убыль, как признавал в свое время царский министр финансов Н. X. Бунге, «тем более поразительна, что ее нельзя объяснить ни перечислением в сословие крестьян государственных, ни отпущением на волю»¹. Все остальное крестьянство за те же годы выросло с 16,81 до 20,05 млн. душ, на 3,24 млн., или 19,3%, что в среднем за год дает едва 7,65%. Однако даже при таком скромном перевесе рождаемости перед смертностью число крепостных за 23 года должно бы возрасти на 4,41 млн. душ. И если оно, наоборот, еще упало на 1,72 млн., поглотив весь этот прирост, то общие потери крепостного населения определяются в $4,41 + 1,72 = 6,13$ млн. душ. Исключив из этого итога убыль за счет переходов крепостных в другие категории населения до 1410 тыс., получим дефицит в 4,7 млн. душ. Почти целиком этот дефицит приходится отнести уже только за счет высокой смертности крепостного населения, которая за эти годы, как видно, превысила на 4,7 млн. число всех рождений.

В среднем за год это превышение смертности составило, стало быть, около 9 на 1000 душ. Средняя рождаемость всего населения, включая города и села Европейской России, к моменту **крестьянской реформы 1861 г.** равнялась 49,7 рождений на 1000 душ. Таким образом, смертность *крепостного* населения, при указанном ее превышении рождаемости, достигала уже примерно 58,7%. А его жизнеспособность, измеряемая отношением числа рождений к числу смертей, составляла не свыше

¹ Все эти «перечисления» за 1835—1851 гг. не превышали, по имеющимся данным, 470 тыс. душ. И если даже эту цифру утроить за счет перехода крепостных в иные сословия, то вся объяснимая этим убыль не превысит 1410 тыс. душ.

49,7 : 58,7, т. е. около 0,85. Иными словами, крепостное хозяйство, не обеспечивая даже *простого воспроизводства* своей вымиравшей рабочей силы, тем самым уже явно обнаружилось свое полное банкротство.

С освобождением вымирающей крепостной деревни в России капитализм сразу же снизил в ней столь высокую смертность, заметно повышая вместе с тем и общие показатели роста всего населения. Насмный труд стал производительнее крепостного. Развитие капитализма в его восходящей фазе сопровождалось ростом технического прогресса, повышением народного богатства и культурного уровня населения. Сложные машины требовали за собой ухода культурных рабочих. А возрастающий уровень культуры уже сам по себе означает падение смертности. А. Г. Рашин показывает, как даже самое скромное повышение элементарной грамотности матерей в России сопровождалось заметным снижением наиболее высокой, *детской*, а вместе с тем и общей смертности населения. Все это обусловило такую динамику ежегодных показателей его роста в Европейской России за 1861—1913 гг. в промиллях:

Годы	Рождаемость	Смертность	Прирост
1861—1870	50,2	36,9	13,3
1871—1880	50,4	36,4	14,0
1881—1890	50,4	35,5	14,9
1891—1900	49,2	34,2	15,0
1901—1905	47,7	31,0	16,7
1906—1910	45,8	29,5	16,3
1911	45,0	27,4	17,6
1912	43,7	26,5	17,2
1913	43,1	27,4	15,7
1861—1913	48,9	34,0	14,9

К этому еще можно добавить, что с началом мировой войны прирост населения Европейской части России, не считая боевых потерь и притока беженцев, не превышал 15,2‰, а за 1915 г. определилась уже прямая убыль в 13 чел. на 1000 душ¹. Таким образом, в среднем за 1911—1915 гг. ежегодный прирост едва ли превышал 10,5‰.

Как видим, по сравнению с приростом населения феодальной России за 1851—1860 гг., который для всего населения не пре-

¹ Е. З. Волков, Динамика народонаселения СССР, М—Л., 1930, стр. 100.

вышал $6,5\text{‰}$ в год, а для крепостного падал ниже нуля, годовой прирост в эпоху капитализма за первое же десятилетие возрастает до $13,3\text{‰}$, т. е. более чем вдвое. Очень характерно при этом, что наибольшей высоты — $17,4\text{‰}$ этот показатель, повышаясь в отдельные годы до $18,3\text{‰}$, достигает в среднем за пятилетие 1896—1900 гг., т. е. в годы максимальных темпов роста капиталистической промышленности в России. После чего в эпоху империализма падают и темпы индустриального развития и намечается явная тенденция к снижению показателей роста всего населения, прерванная лишь Великой Октябрьской социалистической революцией. И темпы этого снижения от пятилетия к пятилетию можно выразить в следующих цифрах:

Годы	Прирост на 1000	
	луч	в %
1896—1900	17,4	100
1901—1905	16,7	96
1906—1910		94
1911—1915	10,5	60
<hr/>		
1901—1915	14,5	83

Особо резкое падение годового прироста за 1911—1915 гг. связано, конечно, с началом первой империалистической войны. Но войны, как вполне закономерное порождение империализма, не нарушают, а лишь подчеркивают свойственные ему закономерности и в области демографических процессов. Ни войн, ни кризисов, как слова из песни, не выкинешь из истории закономерностей движения населения в эпоху капитализма. Но А. Г. Рашина можно упрекнуть в том, что он недостаточно внимания уделил в своей книге явлениям этого рода.

Движение населения на капиталистическом Западе подчинено тем же закономерностям, какие наблюдались и в дореволюционной России. В начале капиталистического развития прирост населения повсюду возрастал, а затем с ростом монополий и застойной безработицы начинает падать. Особенно резко это падение сказывается после 1900 г. в странах загнивающего империализма. Так, например, ежегодный прирост населения в Германии с 70-х годов XIX столетия к 1901—1910 гг. поднялся за 30 лет с $11,9$ до $14,3\text{‰}$, а затем уже к 1925—1932 гг. он скатился к $6—7\text{‰}$, т. е. снизился более чем вдвое. В Англии, где капитализм был много старше германского и падение прироста населения началось раньше, чем в Германии, в общем с 1871—1880 до 1925—1932 гг. он упал с $14,0$ до $4,4\text{‰}$, т. е. более чем втрое.

Во Франции падение прироста началось еще раньше, и здесь он еще в 1859—1863 гг. не превышал $2,9\text{‰}$, а к 1926—1939 гг. он падал уже до $0,8\text{‰}$ и ниже.

Такое снижение перевеса рождений над смертностью в странах империализма уже само по себе свидетельствует о падающих шансах этой системы хозяйства в экономическом ее соревновании с социализмом. Отношение числа рождений к числу смертей, которое может служить мерой расширенного воспроизводства населения, т. е. основной производительной силы любого общества, еще накануне второй мировой войны к 1939 г. было неодинаково в разных странах. Во Франции оно не превышало 110% , в Англии — 121% , в США — 131% . В это же время в СССР этот показатель жизнеспособности наций, именуемый коэффициентом Покровского, достигал $215,7\%$.

Но коэффициент Покровского еще не обладает полной сравнимостью для разных стран с различной возрастно-половой структурой общества. Для большей сравнимости показателей воспроизводства населения демографы исчисляют обычно так называемый «нетто-коэффициент» воспроизводства, показывающий сколько в среднем каждая женщина родит девочек, которые доживут до возраста своей матери к моменту их рождения. Если этот показатель меньше единицы, значит в данном обществе не обеспечено даже простое воспроизводство его населения. А между тем, как показывают вполне надежные расчеты, этот коэффициент по данным 1933 г. не превышал в США $0,94$, во Франции — $0,88$, в Англии — $0,76$, а в гитлеровской Германии, столь жаждавшей для своей экспансии захвата чужих «пространств», едва $0,71$. Такие показатели воспроизводства, возвещающие начало прямого вымирания ближайших поколений в странах загнивающего капитализма, предвещают и приближающийся конец этой изживающей себя общественной формации¹. Такое же вымирание крепостного населения предвещало собою банкротство феодальной системы хозяйства. Да и банкротству рабовладельческой формации предшествовало, повидимому, подобное же вымирание рабочей силы — рабов, после того как ряды их перестали восполняться все новыми пополнениями с расширением границ мировой римской империи.

В основе всех этих формаций, как известно, лежало классовое господство и классовая эксплуатация трудящихся масс. В связи с этим и смертность, и рождаемость, и все другие показатели воспроизводства населения не могут быть одинаковыми для разных классов и в различных условиях эксплуатации

¹ Правда, после второй мировой войны этот индекс воспроизводства населения во многих странах Запада по ряду причин значительно возрос. В частности, этому содействовало и влияние войны на возрастно-половую структуру населения. Однако все такие временные влияния не могут изменить исторических судеб обреченного империализма.

Структура населения и показатели воспроизводства
(цифры условные)

Показатели	Возрастные группы			
	До 16 лет	16—45 лет	46 лет и выше	По всем группам
Первый период				
Население	300	400	300	1 000
Смертность на 1 000 душ	80	10	20	34
Рождаемость на 1 000 душ	—	100	—	40
Второй период				
Население	350	330	320	1 000
Смертность на 1 000 душ	64	8	16	30
Рождаемость на 1 000 душ	—	100	—	33

труда. Давно уже замечено, например, что в буржуазных кварталах смертность много ниже, чем на рабочих окраинах. А рождаемость у бедноты как будто даже возрастает. В частности, уже А. Смит полагал, что «бедность, повидимому, благоприятствует размножению». А Маркс формулировал в качестве закона капиталистического общества следующее важное наблюдение: «не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семейств обратно пропорциональна высоте заработной платы». И в книге А. Г. Рашина мы находим немало фактических иллюстраций, соответствующих данной закономерности. Но остаются неясными причинные связи, лежащие в основе этой закономерности.

Заслуживает внимания, прежде всего, теснейшая связь между рождаемостью и смертностью, которые по закону, сформулированному Марксом, возрастают и падают одновременно от одних и тех же причин. Достаточно ясна и причинная связь между уровнем оплаты труда и смертностью рабочих в условиях капиталистической эксплуатации. Смертность тех категорий рабочих, которым достается меньшая масса средств существования, естественно выше по сравнению с теми, которые получают их больше других. Как известно, в условиях капитализма заработная плата рабочих даже в *среднем* ограничивается минимумом средств существования. И, стало быть, для тех категорий рабочих, где она опускается ниже такого минимума, а в случае возрастающей безработицы падает и до нуля, повышенная смертность неизбежна. Это не требует объяснений. Однако и в данной среде «бедность благоприятствует» не столько «размножению», сколько *вымиранию*.

Тем не менее показатели рождаемости с повышением смертности тоже вполне закономерно повышаются, а с понижением падают. И эта закономерность вытекает уже из различий в показателях *возрастной смертности* и в *возрастной структуре* населения при различных условиях смертности. Как известно, максимальная смертность наблюдается в самых нежных детских и самых дряхлых, старческих возрастах. Поэтому при снижении смертности всего быстрее возрастает удельный вес детей и стариков и падает удельный вес *брачного* возраста, а стало быть, и число рождений на 1 000 душ всех возрастов. При повышении смертности, наоборот, самыми стойкими оказываются средние возрасты. Удельный вес детей и стариков падает, а доля лиц брачного возраста растет, а вместе с тем растут и показатели рождаемости. Поясним это конкретным числовым примером.

Пусть нам дана структура населения за два периода с высокой и пониженной смертностью при неизменной плодовитости матерей брачного возраста за оба периода. В результате снижения смертности, скажем на 20%, изменилась и структура населения за счет снижения доли лиц брачного возраста, и в общем получается такая картина (см. табл. 1).

Смертность в среднем по всем возрастам снизилась с 34 до 30‰, рождаемость — с 40 до 33‰, а годовой прирост упал с 6 до 3‰. Средний возраст населения при этом возрос примерно с 28,6 до 31,9 лет, на 3,3 года, или 11,5%, а все население из расчета на 100 рождений увеличилось с 2500 до 3000 душ, на 20%. При возрастании смертности на 25% получилась бы обратная картина. Доля населения в брачном возрасте, а вместе с тем и коэффициент рождаемости повысился бы на 20%. Такой же эффект обуславливают и длительные войны, причиняя, помимо фронтовых потерь взрослого мужского населения, особо значительные потери в наиболее слабых контингентах детей и стариков. Женщины брачного возраста несут при этом относительно наименьшие потери, и потому число рождений по отношению к сократившейся общей численности населения после войны на ряд лет возрастает. Демографы называют этот рост компенсационным. Но никакой реальной компенсации за жертвы войны он не даст.

Господствующей тенденцией в условиях мирной жизни является, однако, тенденция к сокращению смертности, а вместе с тем и к снижению показателей рождаемости. Темпы снижения этих показателей на разных этапах развития менялись. На восходящих линиях развития капитализма рождаемость снижалась по общему правилу медленнее смертности. Например, в Европейской России с 1861—1865 до 1911—1913 гг., т. е. примерно за полвека, смертность упала с 36,5 до 27,1‰, т. е. на 26% а рождаемость с 50,7 до 43,9 на 1000 душ, т. е. всего на 13%, что обус-

ловливает даже некоторое повышение чистого прироста населения за указанный период. Впрочем, это «общее правило» вполне оправдывается, повидимому, лишь на восходящих линиях развития буржуазного общества. В период общего кризиса капитализма, как было уже указано, берут верх совсем другие тенденции — к заведомо суженному процессу воспроизводства населения.

Закон капитализма, сформулированный Марксом в отношении обратной пропорциональности между уровнем заработной платы и показателями рождаемости и смертности трудящихся, в свете сказанного сводится к следующему. Уровень оплаты труда в условиях капитализма определяется, как известно, не чьей-нибудь прихотью или капризом, а вполне объективными экономическими законами. Средний уровень заработной платы и его динамика регулируются законом стоимости, а все ее колебания вокруг этого уровня в связи с различной квалификацией труда, а также подъемом конъюнктуры и кризисными ее падениями определяются стихийными законами рыночного спроса и предложения. Оплата труда — чисто экономический фактор. Но именно он является решающим фактором, который определяет такие, казалось бы, биологические явления, как рождаемость и смертность, и все связанные с ними закономерности. Низкая оплата, на уровне нищеты и голода, повышает смертность и, сокращая долю детского населения и стариков, т. е. понижая знаменатель в дроби N/S , где N — число рождений, а S — население, повышает показатели рождаемости из расчета на 1000 душ. Более высокая плата снижает смертность и, умножая общую численность населения, т. е. увеличивая знаменатель дроби N/S , тем самым снижает видимые размеры рождаемости.

Биологический предел долголетия не ниже 150 лет. А экономические законы капитализма ограничивают среднюю продолжительность жизни человека в три—четыре и даже в пять раз более краткими сроками. В царской России они не превышали для лиц мужского пола в 1874—1884 гг. 26,3 лет, в 1896 г. — 30,0 лет и лишь к 1910 г. поднялись примерно до 32 лет. Понятна гордость советских людей, которые, сокрушив царский режим, вместе с тем примерно в 2 раза превзошли и эти жалкие средние пределы долголетия трудящихся времен царизма.

Сокращая в несколько раз жизнь целых поколений или удлиняя ее, законы экономики в человеческом обществе всецело подчиняют себе биологические законы, угнетая, или, наоборот, повышая жизнеспособность народов. Угнетающим фактором является прежде всего народная нищета. Но и большие богатства в руках немногих, порождая праздность и пресыщение, ожирение и апоплексии, распутство и вырождение, вовсе не благоприятствуют повышению жизнеспособности господствующих эксплуататорских классов.

И если даже в условиях капиталистической эксплуатации на протяжении многих десятилетий смертность трудящихся масс обнаруживает явную тенденцию к сокращению, то это отнюдь нельзя приписать росту их благосостояния. Конечно, на восходящей линии капиталистического развития, требующего высоких темпов расширенного воспроизводства, не только возможно, но даже неизбежно некоторое повышение уровня жизни трудящихся. Но это временное повышение в тесных рамках средств существования рабочей силы весьма ограничено. И решающим является другое. Технический прогресс в производстве объективно невозможен без соответствующего роста культуры в рабочей среде, а стало быть, и роста сознательности и сопротивляемости рабочего класса, обеспечившей ему и сокращение рабочего дня, и охрану здоровья, и многие другие блага культуры. А культура уже сама по себе — могущественный фактор снижения смертности. Но в стадии загнивания капитализма, когда ему уже не требуется значительный рост рабочей силы, обнищание пролетариата, все возрастая, становится все тягостнее в условиях растущих требований культуры и вызывает уже новое повышение смертности в ряде стран¹.

Прослеживая погодные колебания рождаемости и смертности в дореволюционной России, мы и в них находим яркое проявление примата экономики над биологией в динамике населения за весь капиталистический период. Общей закономерностью этого периода был хотя и медленный, но все же возрастающий ежегодный прирост населения в основном за счет снижения смертности. За 50 лет, с 1861 по 1911 г., этот прирост по Европейской России повысился с 14,3 до 17,6‰, т. е. всего на 23%. Но за все годы промышленных кризисов мы неизменно отмечаем вместо увеличения снижение этих приростов с непременным снижением в том же году или в следующем рождаемости и повышением смертности. Приводим здесь все изменения этих показателей в промиллях (+ —):

Годы	Рождаемость	Смертность	Прирост
1867—1868	— 2,4	+ 2,9	— 5,3
1872	— 1,0	+ 3,3	— 4,3
188—1883	— 1,0	+ 2,9	— 3,9
1890	— 0,7	+ 1,2	— 1,9
1900—1901	— 1,4	+ 1,0	— 2,4
1907—1908	— 2,7	— 0,1	— 2,6
<hr/>			
В среднем	— 1,5	+ 1,9	— 3,4

¹ А. Я. Боярский и П. П. Шушерин, Демографическая статистика, М., 1951, стр. 143.

Сопоставляя чистый прирост в среднем за все эти кризисные годы с предшествующими кризисными годами, получаем на круг снижение его с 15,1 до 11,7, т. е. на очень значительную величину в 23%, а за некоторые кризисные годы прирост падал и до 8—9⁰/₁₀₀. Даже война 1877—1878 гг. и революция 1905 г. не повлияли на большее его снижение. И лишь совместное действие кризиса и голодовки 1890—1891 гг. сказалось в 1892 г. еще более тягостными в этом отношении последствиями. Чрезвычайно высокая смертность населения царской России, испытывавшего двойной гнет — не только капитализма, но и весьма еще живучих остатков феодализма, в годы кризисов достигала своего максимума, поднимаясь до 40⁰/₁₀₀ и выше. На капиталистическом Западе, много раньше покончившем с феодализмом, она была много ниже. Но тем поразительнее тот скачок, каким пыне снижается смертность в новой России после того, как покончив за раз и с капитализмом, и с феодализмом, она вступила на путь социалистического развития. В сопоставлении с важнейшими странами Запада смертность в границах СССР снижалась с 1913 г. такими еще никем не превзойденными темпами (в миллионах):

Страны капитализма	1913 г.	1927 г.	1953 г.
Франция	17,7	16,5	13,2
Англия	14,3	12,5	11,4
США	13,8	11,3	9,6
В среднем	15,3	13,4	11,4
СССР	30,2	22,8	9,0

Как видим, перед Великой Октябрьской социалистической революцией смертность в России еще раз в два превышала зарубежные нормы. Но в то время, как на Западе эти нормы за 40 лет снизились в среднем всего на 25%, в СССР, несмотря на двукратное вторжение с Запада и неисчислимыe потери в двух мировых войнах, смертность удалось снизить в 3,4 раза. И благодаря значительно более высокой рождаемости, чем на Западе, чистый прирост населения в нашей стране достигает уже свыше трех миллионов человек в год.

Само собой разумеется, что столь различные достижения в этой области разных стран никакими различиями в «биологических» или «расовых» особенностях их населения не объяснить. Объяснение таких различий приходится искать в экономике соревнующихся систем, а не в биологии. И когда наши демографы все еще пользуются столь устарелыми терминами, как «естественный» прирост, «естественное» движение населения и т. п., они явно недооценивают этот примат экономики над биологией в современном обществе.

С. Струмилин.